

ДЖ. М. КЕЙНС И ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ЭТИЧЕСКИЙ РАКУРС

С.Н. Ивашковский

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России, Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье обосновываются нравственно-философские ориентиры крупнейшего экономиста и политического мыслителя XX в. Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946), сыгравшие важную роль в переосмыслении ряда важных положений классической политэкономии и ставшие идейной и методологической основой «кейнсианской революции» и создания новой области экономического анализа – макроэкономики. Автор прослеживает основные этапы формирования этических взглядов Кейнса, показывает, что его интерес к этике как осмыслению морали был продиктован потребностью в новом концептуальном видении экономической действительности и в поиске ответа на главный этический вопрос: «Что делать?». Обращается внимание на то, что понимание Кейнсом этической направленности экономической теории позволило ему занять критическую позицию по отношению к традиционному индивидуализму (традиционному для учёных после Адама Смита) и викторианской морали (скорее, в более общем плане – протестантской морали, тем более что в тексте автор обращается к трудам Зомбарта и Вебера) бережливости и накопительства и сделать вывод, что рациональные и «правильные» с точки зрения отдельного индивида способы поведения не являются гарантией процветания общества. Для достижения последнего Кейнсом была обоснована жизненная необходимость коррекции рыночной системы и «централизованного контроля» со стороны государства за общим уровнем платежеспособного спроса. Подчёркивается, что этические взгляды Кейнса корреспондируют с развивающейся ныне «этикой ответственности» – относительно молодой научной дисциплиной, появление которой связано с рисками, которые несёт с собой техногенная эпоха: загрязнением окружающей среды, дефицитом ресурсов, перенаселением, усилением турбулентности мирового хозяйства. В заключительной части статьи рассматривается один из важных с точки зрения Кейнса пороков капитализма – невротическая склонность людей к умножению «абстрактного (денежного) богатства». Показано, что она уродует не только психику и сознание людей, но и меняет вектор развития рыночной экономики в направлении «спекулятивного капитализма», создающего угрозу цивилизации – созданию, росту материального благополучия и всестороннего развития личности.

Ключевые слова: государственная политика, денежное богатство, инвестиции, макроэкономика, моральные ценности, рыночный механизм, склонность к сбережению, совокупный спрос, экономическая теория, этика, этика ответственности, философия.

Кейнс был одновременно философом, экономистом и исследователем нравов. Он не переставал задаваться вопросом о конечных целях экономической деятельности.
Роберт Скидельски.

Новаторство Дж. Кейнса в экономической теории

В этом году совпали две круглые даты, связанные с именем одного из величайших мыслителей XX в. – британского экономиста Джона Мейнарда Кейнса: 80-летие выхода в свет самой значительной его книги «Общая теория занятости, процента и денег» и 70-летие со дня смерти её автора. Однако не только эти далёкие от наших дней события послужили стимулом для написания данной статьи, хотя и они сами по себе – серьёзное основание для почитателей таланта этого великого учёного, который стоит в одном ряду с такими гигантами экономической мысли, как Адам Смит, Давид Рикардо, Карл Маркс и Альфред Маршалл. Главная причина в том, что экономическая теория Кейнса оказала глубочайшее влияние на общественное сознание и поведение людей и по сей день остаётся неиссякаемым источником экономико-философских и социально-политических идей для академических, деловых и правящих кругов большинства стран современного мира. Хотя «Общая теория» – сугубо научная работа, и в ней не больше тридцати страниц посвящено практическим рекомендациям, тем не менее, именно эта книга (как, впрочем, и другие работы Кейнса) – тот редкий случай, когда с полным правом можно вспомнить известные слова о том, что «нет ничего практичнее хорошей теории».

Разразившаяся в начале 1930-х гг. Великая депрессия застала экономическую науку врасплох. Экономисты, придерживавшиеся классических взглядов, не могли ни объяснить причин столь масштабного и глубокого социально-экономического бедствия, характеризовавшегося катастрофическим падением производства, массовой безработицей и обнищанием многомиллионных народных масс, ни тем более указать пути выхода из него. Предлагался лишь один рецепт: ждать завершения кризиса, рыночный механизм сам справится с возникшими проблемами и успокоит разбушевавшуюся стихию. С этим Кейнс не мог согласиться, указывая, что «экономисты слишком облегчают свою задачу, если в сезоны бурь могут лишь сказать, что когда шторм окончится, поверхность океана станет гладкой» [6, с. 491].

Публикация в 1936 г. «Общей теории», принесшей Кейнсу мировую славу, была прямой реакцией на Великую депрессию и явилась, по словам Йозефа Шумпетера, «подвигом лидерства». В ней «в аналитической форме» были представлены взгляды автора на сложившуюся в США и Западной Европе социальную и экономи-

ческую ситуацию, а главное – на то, «что делать» [23, с. 1540]. Основной вывод «Общей теории» сводился к тому, что у рыночной системы нет автоматического механизма, который поддерживал бы объём национального производства на оптимальном уровне, исходя из чего именно государство в целях обеспечения полной занятости должно взять на себя ответственность за управление общим уровнем совокупных расходов. При этом новаторство Кейнса, получившее в экономической науке название «кейнсианской революции», заключалось не только в том, что объект анализа был перенесён с деятельности фирм и домашних хозяйств на экономику как единое органическое целое, что позволило ввести в анализ изменение агрегатных величин, и даже не в том, что вместо денег и цен в фокус своего внимания он поставил объём национального производства (дохода) и занятость, а в том, что все ключевые макроэкономические переменные и количественные взаимосвязи между ними «были выражены таким образом, что их можно было квантифицировать и проверить» [2, с. 628].

Тем самым было положено начало новому направлению в развитии общей экономической теории – *макроэкономическому анализу*, который позволил тесно связать экономическую науку с жизнью, выработать реалистичную государственную политику преодоления депрессии 1930-х гг., в основу которой легли практические рекомендации по регулированию воспроизводственного процесса с целью снижения уровня безработицы – главного порока капиталистической хозяйственной системы. В результате кейнсианская экономическая теория знаменовала собой методологический и этический поворот от социально-нейтральной «экономикс» к традициям смитовской «политической экономии» – именно так Кейнс предлагал называть современную ему экономическую науку.

Стоит отметить, что ещё за год до публикации «Общей теории» Кейнс предвидел, что она произведёт переворот в экономическом мышлении и поведении людей. В письме к Б. Шоу он писал: «Чтобы понять моё состояние, ... вы должны знать, что, на мой взгляд, я нахожусь в процессе написания книги по экономической теории, которая совершит переворот в наших взглядах на экономические проблемы – конечно, не прямо сейчас, но на протяжении следующих десяти лет... Я не жду, что вы или кто-либо ещё поверит в это в данный момент времени. Что же до меня, то я не просто надеюсь, что мои слова окажутся правдой, – я вполне в этом уверен» [21, с. 345].

Особую роль идеи Кейнса сыграли после Второй мировой войны. В науке они послужили основой возникновения новых школ макроэкономического анализа – *посткейнсианства*, *неокейнсианства* и *неоклассического синтеза*, в практическом плане стали руководством для составления эффективных правительственных

программ, обеспечивших успешное восстановление послевоенной европейской экономики и её последующее процветание в 1950–1960-е гг. Они и сегодня правят умами большинства учёных, политиков и экспертов, позволяя находить правильные ответы на новые вызовы и риски, порождаемые современной капиталистической рыночной системой, превратившейся в явление планетарного масштаба.

Свидетельством неослабевающего интереса к идеям Кейнса может служить, в том числе, то обилие литературы, посвящённой использованию теоретического наследия Кейнса в установлении количественных закономерностей в соотношении макроэкономических величин, понимании принципов и допустимых пределов государственного вмешательства в рыночные процессы для поддержания как внутреннего, так и внешнего равновесия, которое из года в год появляется на книжных рынках многих стран. В частности, в России в 2011 г. была издана книга известного английского экономиста Роберта Скидельски под символическим названием «Кейнс. Возвращение мастера», в которой автор показывает, что «Великая рецессия» 2007–2009 гг. вновь вывела Кейнса на первый план среди мыслителей-экономистов XX в. [19]. Скидельски также принадлежит масштабная научная биография «Джон Мейнард Кейнс. 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель», вышедшая на русском языке в двух книгах в 2005 г., за которую автору был пожалован титул пэра [20]. Продолжают публиковаться научные статьи и монографии, в которых анализируются различные аспекты творчества Кейнса, их теоретико-методологическое значение для современных политико-экономических исследований и решения встающих перед странами практических задач. Недавно из-под пера российского экономиста С. Дзарасова вышла книга «Куда Кейнс зовёт Россию?», автор которой, опираясь на разработки Кейнса и его последователей, показывает, как сейчас в России можно было бы создать регулируемую рыночную систему, способную обеспечить устойчивые темпы роста экономики, повышение народного благосостояния и гармонизацию социальных отношений [3].

Формирование философско-этических взглядов Дж. Кейнса

«Общая теория» стала итогом огромной интеллектуальной и научной деятельности, которую Кейнс начал в 1909 г. публикацией в *Economic Journal* статьи «Индексный метод» (премия им. А. Смита). В ней автор попытался установить корреляцию между движением цен в Индии и притоком и оттоком золота. Сбор и анализ статистических данных привёл молодого учёного, как он писал, в состояние небывалого восторга. С того времени Кейнс начал проявлять растущий интерес к научному творчеству. В 1913 г. он написал свою первую книгу «Денежное обращение и финансы Индии». Вскоре он

защитил диссертацию по проблеме вероятности, основные положения которой были опубликованы в 1921 г. в работе «Трактат о вероятности», где автор предстал не столько как математик, сколько как философ, логик и будущий гениальный экономический мыслитель. Это весьма характерно для Кейнса: выбрав в дальнейшем в качестве непосредственной области научного интереса экономическую теорию, Кейнс развивал её, опираясь на широкий арсенал других дисциплин – истории, логики, математики, этики, юриспруденции.

Ещё студентом Кембриджского университета Кейнс стал членом элитного Блумсберийского кружка, объединявшего неординарных английских художников, писателей и интеллектуалов (таких, в частности, как Томас Элиот, Литтон Стрейчи, Эдвард Форстер, Леонард и Вирджиния Вульф), с которыми его связывала тесная и долгая дружба. Основной смысл своей творческой деятельности участники кружка видели в противостоянии патриархальным устоям викторианской Англии и свойственного ей диктата общественной морали, в защите права человека иметь собственную позицию и подвергать сомнению любые истины, невзирая на авторитеты. Находясь под влиянием новых философских идей, «блумсберийцы» исходили из того, что в жизни и творчестве необходимо следовать индивидуальным моральным нормам, основанным на свободе, любви и дружбе, на собственном независимом разуме, а не на унаследованных от прошлого традициях.

Леонард Вульф писал о чувствах и устремлениях своих единомышленников по кружку: «Мы обнаружили, что живём в эпоху осознанного бунта против социальных, политических, религиозных, моральных убеждений и принципов наших отцов и дедов... Мы старались создать нечто новое; мы были в авангарде строителей нового общества, свободного, рационального, цивилизованного, стремящегося к правде и красоте» [6, с. 488].

Заметное влияние на мировоззрение и этические взгляды Кейнса оказали известные философы, входившие в круг его близких друзей, – Бертран Рассел, Людвиг Витгенштейн и Джордж Мур, а также выдающийся драматург и романист, один из основателей Лондонской школы экономики и политических наук Бернард Шоу. В них Кейнс находил близких себе по духу и взглядам людей, которые достаточно смело обходились с господствовавшей общественной моралью и традиционными представлениями об истории, ниспровергали то, что многие считали аксиомой. Кейнс не разделял социалистических взглядов Шоу и его представлений об СССР как обществе будущего, поскольку сам трижды бывал в Москве (в 1925, 1928 и 1936 гг.) и собственными глазами увидел, что такое «реальный социализм» на деле. Кейнсу была чужда и политико-экономическая теория Карла Маркса, чьи работы он прочитал по рекомендации Шоу. Кейнс был при-

верженцем консервативной идеологии, о чём, в частности, говорят его симпатии к Эдмунду Бёрку – видному англо-ирландскому политическому мыслителю, яркому критику Французской революции и стороннику ограничения роли государства.

«Как я могу принимать [коммунистическую] доктрину, – писал он в 1931 г., – если в качестве своей библии, недоступной никакой критике, она избрала устарелый талмуд, по моему глубокому убеждению, не только избыточный ошибками, но и совершенно бесполезный для современного мира? Как могу я предпочитать лужу, где плавает рыба, самой рыбе, а невежественный пролетариат – буржуазии и интеллигенции, которые, несмотря на все недостатки, задают жизненные стандарты и которым мы обязаны движением человечества вперёд?» [21, с. 358–359].

Вместе с тем Кейнс видел разницу между социализмом «советского образца», основанным на диктатуре, тотальном подавлении свобод и прав личности, и нравственными критериями социалистических идей, под которыми он понимал социальную справедливость и достойный уровень материального благосостояния, чего не мог обеспечить капитализм его времени. В то же время он полагал, что стремление к богатству, дорогу которому открыл капитализм, является средством достижения такого уровня экономического благополучия, когда жизнь станет «разумной, приятной и достойной».

Специфическое интеллектуальное окружение, тяга к философии в сочетании с острой наблюдательностью сделали Кейнса – по словам его жены, русской балерины Лидии Лопуховой – «больше чем экономистом». Сам он считал, что «все эти миры обогащают представление об экономике, позволяя гораздо глубже понять человеческую природу, в отличие от узкопрофессиональной трактовки “человека экономического”» [19, с. 80].

Скидельски отмечает, что Кейнс «больше похож на философа-моралиста, чем на экономиста». Более того: «В душе он вообще не был экономистом. ... Он надевал маску экономиста “для солидности” – так же, как облачаются в тёмный костюм и котелок для работы в Сити. Однако Кейнс не верил в систему идей, которыми жили – и живут – экономисты; он не молился в их храме; это был еретик, лишь соблюдавший приличия. В былые времена его заставили бы отречься от своих идей, возможно, даже сожгли бы на костре. Лишь права, свободы и запросы нового времени позволили Кейнсу привлечь к себе внимание этой научной “церкви”. Только человек, глубоко убеждённый в своей правоте, человек выдающегося ума, полный любви к соотечественникам и всему человечеству, мог взяться за переосмысление значительной части интеллектуальной традиции Запада. Однако именно на это Кейнс и замахнулся, и можно лишь удивляться тому, как много ему удалось сделать» [там же, с. 84–85].

Интеллектуальная тяга Кейнса к социально-философскому осмыслению действительности в значительной степени объясняется и тем, что ещё в студенческие годы он, как и многие сверстники, увлёкся идеями модного в то время британского философа Дж. Мура, читавшего в университете курс лекций по этике и написавшего фундаментальный труд «Принципы этики» (1902) [17]. Статья Кейнса о своих студенческих идейных пристрастиях «Мои ранние верования» (1938) увидела свет уже после смерти автора. В ней он отмечал, что для многих студентов Кембриджа Мур был кумиром, а его нравственная философия стала «религией». «От Мура мы получили то, что он предлагал нам. Он стоял одной ногой перед входом в новый рай, а другой на Сиджвике и Бентаме, с их правилами хорошего поведения. Мы принимали религию Мура, но отказывались принимать его мораль. Но его склад ума становился нашим. Мы заимствовали у него стремление к красоте и правде, идею о том, что главной целью жизни является любовь, творчество, наслаждение эстетическим опытом и стремление к знанию» [22, с. 37].

В этике Мур стоял на позициях интуитивизма – философско-методологической установки, признающей «последним основанием» бытия и познания непосредственное «живое» отношение человека и мира, и отвергающей позитивистское понимание научного знания. Сторонники этического интуитивизма считали, что нормы нравственности и морали нельзя вывести из научного знания о человеке и окружающей действительности, их можно постичь лишь посредством интуиции. Этическая концепция Мура – это концепция автономной этики, которая не может быть обоснована с помощью внешней по отношению к ней реальности, в том числе и религии. Тем самым мораль интерпретировалась как нечто изначальное. В процессе мышления мораль порождает дихотомию, расчленяя мысль человека на два противоположных вектора – добро и зло, добродетель и порок, правильное и неправильное. Первое понятие в этой дихотомии обозначает позитивность человеческой деятельности, второе – негативность, то, чего люди стараются избегать. Этими векторами задаётся система координат, составляющая ценностную основу человеческой деятельности.

Центральное место в этике Мура занимает категория добра (добродетели) – «фундаментальное понятие этики», – на основе которой построена этическая система, что и привлекло внимание Кейнса. Кейнсу импонировало, что Мур различал «добро как таковое» и «добро как средство». Первое является всего лишь понятием (как, например, «жёлтое»), следовательно, оно неопределимо, и, как всякое понятие, постигается интуитивно. Попытки его определения и выведение этики из внеэтических явлений Мур назвал «натуралистической ошибкой», которая мешает понять, что такое добро как «вещь в себе», и в чём заключается его сущность, а значит,

---

■ Мировая экономика

не позволяет прийти к построению правильной этической системы. Философы прошлого, анализируя какое-либо понятие (например, «удовольствие», «трудолюбие», «честность», «бережливость»), обычно называли его добром, а затем «переворачивали» данное логическое суждение и утверждали, что добро – это удовольствие, бережливость, счастье, здоровье и т. д. Так, согласно концепции гедонизма, сердцевину которого составляла доктрина эгоизма, высшим благом и целью жизни признаётся удовольствие: «Моё собственное удовольствие является единственным добром». А в соответствии с учением утилитаризма морально то, что полезно, что «приносит наибольшее счастье наибольшему количеству людей» (Иеремия Бентам).

Таким образом, и гедонизм, и утилитаризм отождествляли добро с пользой, считали, что целью человеческих поступков должно быть стремление извлекать выгоду, пользу, благополучие, независимо от того, идёт ли речь об индивидуе или об обществе. Мур категорически возражал против такой постановки вопроса. Удовольствие, трудолюбие, счастье, честность могут быть добром, но добро не может быть сведено к подобным частным вопросам. Тем самым Мур подверг критике все предшествующие этические учения, в особенности, утилитаризм и гедонизм, а также эволюционную этику Герберта Спенсера, которые составляли методологическую основу классической и неоклассической политической экономии.

Согласно Муру, «добро как средство» подразумевает, помимо постижения «добра как такового», анализ связи поступков и порождаемых ими результатов. В его понимании, долг человека – осуществлять справедливость, поэтому «долгом» можно назвать лишь такой поступок, который осуществляет больше добра, чем какой-либо иной одновременно возможный поступок. Поскольку суждения о том, что является «доброем как таковым», очевидны сами по себе и для их обоснования нельзя привести никаких доводов, всё, что этика может решить – это «какая из наиболее вероятных альтернатив создаст наибольшую сумму добра» [17, с. 93]. Поэтому этическое значение того или иного поступка надо оценивать не по его абстрактной «внутренней ценности», а по тому, что «если он будет совершён, весь мир станет лучше, чем если будет осуществлена какая-то другая менее ценная сама по себе альтернатива» [там же, с. 89]. Однако людям не дано знать, какой из совершаемых ими поступков в каждом конкретном случае будет иметь наилучшие из всех возможных последствия. Самое большее, на что они могут надеяться, – это ожидание или «вера» в то, что за действием А последует результат В.

Ценность философии Мура для Кейнса-экономиста заключалась, прежде всего, в том, что она помогла ему утвердиться в мысли об этическом характере экономической науки, означавшем выбор таких целей и способов их достиже-

ний, которые способствовали бы продвижению общества по пути прогресса к более цивилизованному состоянию. Путь к такому состоянию он видел в росте материального благополучия, а саму цивилизацию понимал как такое состояние общества, когда долгом каждого человека становится внутренне присущее ему стремление к добру. Кроме того, этические воззрения Мура были для Кейнса важным идейным и духовным фундаментом, на котором формировалось его собственное мировоззрение, независимое от общественного мнения, позволившее ему пересмотреть устоявшиеся стереотипы о рациональности поведения отдельного индивида и оптимальности функционирования экономической системы в целом.

Кейнс не был приверженцем философии рационализма, но, подобно многим другим экономистам, придерживался рационалистической концепции человеческой деятельности. Однако он пришёл к пониманию, что рациональность действий индивида носит ограниченный характер, так как на практике регулируется не только максимизацией его целевой функции (постулат неоклассической теории), но и рядом факторов, ограничивающих строго рациональный расчёт. На поведение индивида могут оказывать влияние его чувства (неуверенность, страх, оптимизм), приверженность тем или иным моральным ценностям, складывающаяся под влиянием традиций, верований и личных убеждений, неопределённость по поводу будущего и т. д. Кейнс считал, что как индивидуальные решения, так и предположения о будущем не только зависят от личных суждений, но в гораздо большей степени определяются «психологией» общества, которое информировано лучше отдельных индивидов, вследствие чего последние пытаются «адаптироваться к поведению большинства или к поведению среднестатистического индивида» [9, с. 114]. Иначе говоря, Кейнс приходит к пониманию, что разум отдельного человека, его убеждения и вера не могут служить достаточными основаниями для рационального поведения индивида. Все текущие решения людей и оценки ими будущего складываются «как результат массовой психологии несведущих индивидов, подвержены резким изменениям под влиянием внезапных колебаний в мнениях» [там же, с. 218].

Следовательно, вывод Мура о рациональности, покоящейся *на вере индивида* в то, что за определённым действием последует соответствующий результат, не стал для Кейнса веским аргументом объективной оценки действительности и правильного прогноза будущего. Не получив удовлетворительного ответа на вопрос об основе рациональной веры, Кейнс сам решил заняться исследованием этой этической проблемы. Ей и была посвящена диссертация по теории вероятности, в которой Кейнс сформулировал свои представления о добре и сугубо *личностной* основе морали. Как пишет Н. Макашова, усилия Кейнса в области этики «были направлены на

продолжение дела Мура по расширению поля "возможностей для индивидуальных суждений" относительно моральных норм и преодолению ограничений, накладываемых на поведение человека любыми установленными нормами, в данном случае – нормами викторианской утилитарной морали. В определённом смысле можно сказать, что Кейнс поддерживал традицию английского интуитивизма против утилитаризма» [5, с. 360].

В диссертации Кейнс занялся исследованием философских аспектов теории вероятности. Он исходил из того, что теория вероятности носит не математический, а логический характер, связанный с проблемой соотношения случайности и необходимости. «Теория вероятности является... логической теорией потому, – писал Кейнс, – что она изучает степень *веры*, которая рациональна в данных условиях, а не просто убеждения отдельных индивидов, которые могут быть, а могут и не быть рациональными» [там же, с. 380]. Представление о вероятности как о логическом отношении, по мнению Кейнса, позволяло распространить понятие вероятности на ситуации, к которым понятие частоты явления неприменимо, поскольку событие может носить уникальный характер с неизвестными последствиями. А это уже давало возможность логически перейти к ситуации неопределённости, представляющей непосредственный интерес для экономического анализа. Понимаемая таким образом вероятность представлялась Кейнсу *объективной*, поскольку речь шла не просто о «вере» (или уверенности) отдельных индивидов, которая может варьироваться от одного к другому и быть *субъективной*, а к *рациональной* вере, отражающей полное и *разумное* использование имеющейся и относящейся к делу информации [там же, с. 368, 395].

Эта полнота индивидуальной информации, как уже отмечалось, относительна, в особенности в части предугадывания будущего. Ожидания отдельного человека могут быть только краткосрочными – это «предположение» о доходе, который он получит, исходя из текущей информации о состоянии рынка. Делая *сбережения*, индивид руководствуется сугубо личными мотивами, игнорируя интересы экономики и общества в целом, в то время как в решении об *инвестициях* он должен учитывать более широкий спектр знаний и информации, которыми он не располагает. Именно поэтому в экономической модели Кейнса инвестиции рассматриваются как весьма нестабильная и неопределённая функция национального дохода. Решения об инвестировании он сравнивал с игрой в азартные игры, где применяются все правила, кроме рационального расчёта. Кроме того, реальные инвестиции в значительной степени зависят и от деятельности фондового рынка и совершаемых там спекулятивных операций: «Когда расширение производственного капитала в стране становится побочным

продуктом деятельности игорного дома, трудно ожидать хороших результатов» [9, с. 224].

Уяснив неопределённость поведения субъектов рынка, Кейнс пришёл к выводу о необходимости вмешательства государства в экономику с целью регулирования общего уровня совокупных расходов и «социализации инвестиций». Правительство, по его мнению, располагает несравненно большими возможностями получения информации как о текущем, так и о будущем состоянии экономики и её рациональном использовании на благо всего общества. Вместе с тем, Кейнс не переоценивал «мудрость» правительства и считал, что после того, как оно поддержит и отрегулирует уровень платёжеспособного спроса и обеспечит полную занятость, рынок должен вступить в свои права: «Я не вижу оснований полагать, что существующая система плохо использует те факторы производства, которые она вообще использует... Именно в определении объёмов занятости, а не в распределении труда тех, кто уже работает, существующая система оказалась непригодной» [там же, с. 454].

Таким образом, сформированные в молодые годы философско-этические воззрения Кейнса в немалой степени определили его новаторские экономические взгляды, нашедшие отражение в большинстве его произведений, в том числе в «Общей теории».

Дж. Кейнс: «Экономическая теория – составная часть этики»

Уже в ранних экономических работах Кейнса было видно, что для него, как и для его учителя в Кембриджском университете Альфреда Маршалла, функция экономической науки не сводилась лишь к сбору, систематизации и анализу конкретных фактов хозяйственной жизни и применению полученных знаний к определению конечных результатов действия различных причин. Им было присуще ясное понимание *социальной направленности* экономической науки, важности учёта психологических и моральных мотивов в экономическом поведении людей. Кейнс разделял некоторые сомнения Маршалла в позитивизме экономической науки и его взгляд на то, что экономика имеет дело главным образом с человеческими существами «из плоти и крови», и поэтому «нравственные аспекты личности» и «скрытые источники человеческого поведения» также должны входить в состав сил, которые экономист непременно должен учитывать в своих исследованиях. А для этого ему необходим трезвый и реалистичный взгляд на окружающую действительность, глубокие и многосторонние знания в самых разных областях науки и практической жизни. О том, каким должен быть экономист в представлении Кейнса, можно судить по его словам из некролога на смерть Маршалла в 1924 г.: «Талантливые или хотя бы компетентные экономисты встречаются чрезвычайно редко, несмотря на лёгкость

предмета экономической науки. Этот парадокс объясняется тем, что экономист высшей пробы должен быть наделён редким сочетанием множества способностей. Он должен обладать громадным объёмом знаний в самых разных областях и сочетать в себе таланты, которые редко совмещаются в одном лице. Он должен одновременно быть историком и математиком, государственным человеком и философом. Он должен понимать язык знаков и символов, но уметь выражать свои понятия и концепции словами. Он должен уметь разглядеть в частном общее, одновременно держать в уме и абстрактное, и конкретное. Он должен изучать настоящее в свете прошлого, имея в виду будущее. Ни одну сторону природы человека и его институтов экономист не должен полностью оставлять без своего внимания. Он должен являть собой образец целеустремлённости, объективности и беспристрастности; надменный и неподкупный, словно художник, иногда он должен быть ближе к земле, чем иной политик» [15, с. 16].

Кейнс писал, что большинством из этих способностей («хотя и не полностью») был наделён Маршалл, которого он искренне любил и считал «первым в истории великим экономистом в подлинном смысле этого слова, первым, кто свою жизнь посвятил созданию экономической науки в виде самостоятельного предмета, строящегося на собственных постулатах и отличающегося таким же высоким уровнем научной точности, как естественные или биологические науки» [там же, с. 41]. При этом подчёркивал, что к экономической науке Маршалл пришёл, исследуя проблемы этики, и что решение экономических проблем выражалось у него не в применении гедонистических исчислений, а служило предварительным условием для реализации «высших способностей человека» [там же, с. 14].

По справедливому замечанию Роберта Хайлбронера, этими сказанными в адрес своего учителя словами Кейнс «пролил свет на природу собственного гения», ибо всё это идеальное сочетание качеств было в полной мере присуще ему самому [19, с. 324]. Он был всесторонне образованным, с глубокими знаниями, опытом и обширными интересами человеком – философом, математиком, публицистом, меценатом, коллекционером, руководителем одного из блестящих колледжей в Кембридже – Кинз-колледжа, а в конце жизни – Председателем Банка Англии (центрального банка страны). Уже в детстве было видно, что его ожидает великое будущее. В возрасте четырёх с половиной лет он начал задумываться над экономическим значением процента; в шесть лет его интересовала работа мозга, а через год отец находил Джона «исключительно приятным собеседником» [21, с. 324]. В школе юный Кейнс начал заниматься коллекционированием книг и перед поступлением в университет в его личной библиотеке насчитывалось свыше 300 редких изданий. В

университете он выделялся своими незаурядными математическими способностями и одновременно был первым по классической литературе и истории. Но главной наукой для него, как уже отмечалось, стала философия, в особенности этика.

Прирождённый интеллектуализм Кейнса, стремление к постижению глубинной сути происходящих явлений во многом объясняют, почему в своих трудах по экономике он вдохновлялся этико-философскими идеями, всегда выступал на стороне справедливости, против насилия и нищеты, чем заслужил звание «отца всего того, что было гуманного в экономике XX века» [18, с. 520]. И в научной деятельности, и в практической работе на разных постах в государственных учреждениях Кейнс никогда не упускал из виду соотношение экономической мысли с нравственностью и прямо говорил, что считает экономическую науку скорее разделом нравственной философии, чем естественной дисциплиной. «Я хочу подчеркнуть, – писал он в письме к Рою Харроду, – что экономическая теория является моральной дисциплиной». В письме к архиепископу Йоркскому снова подчёркивал: «...экономическая теория, которую правильнее было бы называть политической экономией, есть часть этики» [13, с. 20].

Одним из ярких примеров этического подхода к государственной политике может служить позиция Кейнса на Парижской конференции (1919), решавшей вопрос общеевропейского устройства после Первой мировой войны. Кейнс выступил с резкой критикой политики «карфагенского мира», предложенной французской делегацией и поддержанной другими участниками форума, в том числе его соотечественниками англичанами, ставившей своей целью возложить все издержки войны на Германию и тем самым нанести ей максимальный экономический урон. Он пытался убедить участников конференции, что закабаление Германии, высокий уровень послевоенных репараций могут привести (и, как известно, привели) к возрождению, причём в куда более серьёзных масштабах, чем прежде, германского милитаризма и реваншистских настроений в обществе. Кейнс выдвинул собственную программу, содержавшую ряд мер по возрождению экономики Германии, её интеграции в послевоенную систему международных отношений, понимая, что эта страна является одним из важнейших звеньев мирового политического и экономического устройства.

Предложения Кейнса были отвергнуты, после чего, отчаявшись в дальнейших попытках повлиять на условия договора, он покинул конференцию, одновременно подав прошение о своей отставке с должности в Британском казначействе. Накануне отъезда Кейнс написал главе английской делегации премьер-министру Ллойд Джорджу: «Я должен сообщить Вам, что в субботу сбегаю со сцены кошмара. Я ничем больше не могу быть здесь полезен. Даже все эти последние

ужасные недели я продолжал надеяться, что Вы найдете какой-то способ сделать договор справедливым и целесообразным документом. Но теперь, судя по всему, слишком поздно. Сражение проиграно» [20, с. 420].

Но Кейнс не отступил от своей принципиальной позиции по главной проблеме конференции и спустя несколько месяцев после её завершения обстоятельно изложил свои предложения в книге «Экономические последствия Версальского договора». Книга стала своеобразной исповедью и одновременно мрачным прогнозом относительно будущего Европы. В то время как страны-победительницы – Англия, Франция, Италия и США – решили воспользоваться своим военно-политическим положением, чтобы заставить поверженную Германию выплатить как можно большие репарации (Ллойд Джордж потребовал от Германии 25–30 млрд фунтов), а большевистскую Россию исключить из решения общеевропейских дел, Кейнс показал близорукость такой дискриминационной и алчной политики. «Договор, – писал он, – не содержит никаких условий экономической реабилитации Европы, ничего, что могло бы превратить Центральные державы в наших добрых соседей, ничего для того, чтобы укрепить новые государства Европы, ничего для того, чтобы вернуть Россию, ничего, что могло бы обеспечить тесную экономическую солидарность между самими союзниками... ничего, что могло бы приспособить систему старого мира к новому. ... Репарации стали для них главным вопросом из области экономики, и они решили этот вопрос как задачу из области теологии, политики или предвыборных фокусов – со всех возможных точек зрения, кроме той, что принимала во внимание экономическое будущее государств, чью судьбу они решали» [8, с. 62].

Вместо выдвинутой западными державами политики экономической блокады России, Кейнс предложил: а) взаимное погашение долгов воевавших стран друг другу, в том числе России; б) возложить на Германию обязанность по поставке в Россию промышленного оборудования в обмен на российское продовольствие и сырьё. Рост производства сельскохозяйственной продукции в России, считал Кейнс, поможет не только ей самой, но и предотвратит голод, надвигавшийся на Европу.

На книгу Кейнса обратил внимание В.И. Ленин и воздал должное содержащемуся в ней объективному анализу послевоенной ситуации в Европе. «Никто не описал так хорошо Версальского договора, – отмечал он, – как это сделал в своей книжке Кейнс» [12, т. 42, с. 67]. Ленин также весьма одобрительно отнёсся к предложению Кейнса о восстановлении сотрудничества между Россией и Западом по линии торговли сырьём и промышленными изделиями и рекомендовал советским издательствам опубликовать «Экономические последствия мира» на русском языке [там же, т. 51, с. 241].

На Западе книга также вызвала широкий общественный резонанс и послужила важной вехой на пути, который вывел Кейнса в число интеллектуальных и нравственных лидеров эпохи. Нравственную и политическую позицию, занятую Кейнсом на конференции и изложенную в книге, высоко оценил И. Шумпетер. Он писал, что Кейнс «занял бы заслуженное место в истории, даже если бы никогда не занимался научной работой: он всё равно остался бы человеком, написавшим *The Economic Consequences of the Peace* «Экономические последствия мира» (1919), работу, которая получила международное признание, когда люди аналогичной проницательности, но меньшей смелости или люди, равные по смелости, но уступающие в проницательности, безмолвствовали» [23, с. 1540].

В других своих работах, которые также были направлены на решение политико-экономических проблем, Кейнс продолжал выступать носителем новых ценностных ориентиров и этических установок. Это касалось, в частности, его морального неприятия «викторианской» бережливости и накопительства, ранее считавшихся безусловным символом добродетели и залогом процветания и составлявших этическую базу капитализма второй половины XVIII–XIX вв. В отличие от ранних экономистов и философов, видевших в бережливости один из важнейших источников формирования и развития национального капитала и буржуазного образа жизни, Кейнс показал, что в экономике XX в. сбережения выступают серьёзной преградой на пути экономического роста. В его теории производства и занятости сбережения играют роль ключевого фактора («главного злодея» – Шумпетер), порождающего нестабильность капиталистической экономики, постоянно движущейся от процветания к депрессии и обратно. В объяснении того, что растущая бережливость сегодня оборачивается экономическим кризисом и бедностью завтра («парадокс бережливости»), и состоит социально-психологический и этический лейтмотив «Общей теории» [6, с. 489].

Кроме того, надо иметь в виду, что утечка денежного дохода в виде сбережений из кругооборота в реальном секторе экономики усиливается и человеческой «страстью к обладанию деньгами», о которой Кейнс впервые задумался ещё до написания своего главного труда по экономике и в которой усмотрел не только экономическую, но прежде всего серьёзную психологическую и нравственную проблему.

«Любовь к деньгам» как невроз и характерная черта «спекулятивного» капитализма

Ещё в 1928 г. в своей лекции перед студентами Кембриджа и Винчестера, которая позже легла в основу статьи «Экономические возможности наших внуков» (1931), Кейнс высказал беспокойство по поводу «привычек и инстинктов» и «псевдоморальных принципов»

■ Мировая экономика

капиталистического общества, которые возвели наиболее отвратительные черты человеческого характера «в ранг высочайших добродетелей». Речь шла о безудержной тяге к накопительству, непомерном желании приобретать и хранить богатство в его «абстрактной» (денежной) форме. Здесь Кейнс следовал традиции классической политической экономии, подвергнувшей жёсткой критике предшествующую ей теорию меркантилизма, отождествлявшую богатства с деньгами, и рассматривавшей деньги как бесполезное само по себе средство приобретения необходимых для жизни товаров. Людям нужны товары, а не деньги – таков вердикт А. Смита и его последователей. Однако во времена Кейнса уже было очевидно, что на смену капитализму, извлекавшему прибыль из производства товаров, приходит финансовый, «спекулятивный» капитализм, целью которого становится нажива денег за пределами производственного процесса. О такой эволюции капитализма как о тенденции писал ещё К. Маркс, а как о свершившемся факте в самом начале XX в. – немецкие социологи Макс Вебер и Вернер Зомбарт. Последний, в частности, обращал внимание на то, что в докапиталистическую эпоху людям в принципе не свойственна была жажда денег. Основной чертой докапиталистической хозяйственной и культурной жизни была черта «уверенного покоя», тяга людей «к миру благ». И лишь при капитализме «этот покой превращается в беспокойство» – в массовую страсть к наживе «за пределами процесса производства благ, их транспортировки, и даже большей частью за пределами торговли благами» [4, с. 19–25].

Аристотель, который первым наиболее глубоко постиг сущность докапиталистического хозяйства, неслучайно считал наживу денег не принадлежащей к хозяйственной деятельности. Он обращал внимание на то, что добродетельная жизнь может оказаться под угрозой, когда глубоко спрятанные в человеческой натуре алчность и корыстолюбие превращаются в сущностную ценность. «Все, занимающиеся денежными оборотами, стремятся увеличить количество денег до бесконечности... В основе этого направления лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к средствам, которые служат к утолению этой жажды, также безгранично... Поэтому с полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые, таким образом, утрачивают то своё назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процента ведёт именно к росту денег... Этот рост наживы оказывается по преимуществу противным природе» [1, с. 393, 395].

При капитализме, положившем в основу собственного развития психологическую склонность к абстрактному преуспеванию, стремление к беспредельному увеличению де-

нег, преклонение перед деньгами, «денежный фетишизм» (К. Маркс) становятся нормой жизни. Это объясняется тем, что специфической особенностью и внутренней сущностью капитализма, как показал Зомбарт, является разложение хозяйственного процесса на два элемента: реальное производство благ и его коммерциализация. По мере капиталистического развития последняя, оформившаяся в денежно-банковские и финансовые институты (финансовый капитал), начинает постепенно доминировать над производственной деятельностью: «Все хозяйственные явления всё более подпадают под власть финансовых сфер. Идёт ли речь о возникновении нового промышленного предприятия, или о расширении уже существующего, или о доставке средств владельцу крупного рынка для дальнейшего расширения его торгового заведения, – всё это решается в недрах банков. Точно также и сбыт продуктов всё больше становится проблемой финансового искусства. Самые крупные отрасли нашей промышленности, как, например, электрическая, представляют ныне настолько же финансовые общества, насколько и промышленные предприятия. Также и другие отрасли промышленности при завоевании рынка всё больше попадают в зависимость от финансовых и биржевых сделок... Биржа оказывает влияние на цены большинства полуфабрикатов... и многих готовых изделий. Тот, кто хочет остаться победителем в борьбе с конкурентами, должен стать властителем биржи» [4, с. 553].

Выше уже отмечалось, что в развитии производственного процесса как «побочном продукте деятельности игорного дома» видел характерную черту капитализма и Кейнс. При этом он рассматривал охватывающую людей «страсть к деньгам» – в отличие от уважения к деньгам как средству проведения достойной жизни – как невроз, «постыдное заболевание, одно из тех полупреступных, полупатологических наклонностей, вид которых пугает и заставляет обращаться к специалистам по психологическим расстройствам» [10, с. 65]. Постепенно эта ситуация усложняется тем, что у публики настолько усиливается удовольствие от обладания деньгами, что она склонна ценить деньги выше, чем товары, которые на них покупаются. Проклятая «жажда злата» ведёт к тому, что все остальные желания человек отодвигает «на потом». Кейнс иронизирует: «Он любит не свою кошку, а её котят; нет, на самом деле не котят, а котят котят, и так далее до самого конца кошачьего рода. Варенье для него не варенье, если оно не завтрашнее варенье, сегодняшнее ему не нужно. Отодвигая своё варенье в будущее, он хочет, приготавливая варенье, обессмертить своё дело». Не указан источник цитирования.

Для большей убедительности собственного открытия, Кейнс вспоминает сюжет из книги Льюиса Кэрролла «Сильвия и Бруно», где описы-

вається разговор между портным, пришедшим за деньгами к Профессору, которые тот ему должен:

- Я портной, сударь; у меня для вас не-
большой счёт.

- А, хорошо, я сейчас быстренько разберусь с ним, – сказал Профессор. Сколько там у вас в этом году, любезный? – обратился он к портному, который в это время входил в вестибюль.

- Извольте видеть, за этот год счёт стал вдвое большим, – неприветливо ответил портной, – и я хотел бы получить деньги немедленно. Всего с вас две тысячи фунтов!

- О, ерунда какая! – беспечно откликнулся Профессор, копаясь у себя в кармане, как будто бы такую сумму он всегда имел при себе. – Но не желаете ли подождать ещё годик, чтобы стало четыре тысячи? Рассудите-ка, насколько вы станете богаче! Вы сможете даже сделаться Королём, если вам этого захочется!

- Ну, Королём я, положим, не собираюсь, – задумчиво проговорил портной, – только это и вправду будет знатная куча денег! Что ж, я бы, пожалуй, подождал...

- Ну конечно! – сказал Профессор. – Вы, как я вижу, обладаете здравым смыслом. Прощайте же, любезный!

- А вы заплатите ему эти четыре тысячи фунтов? – спросила Сильвия, когда портной-кредитор закрыл за собой дверь.

- Никогда, дитя моё! – весело ответил Профессор. – Он будет удваивать свой счёт до самой смерти. Это очень мудро – всякий раз ждать ещё год, чтобы получить вдвое большую сумму денег» [там же].

Интерес Кейнса к накопительному аспекту «страсти к деньгам» привёл его к мысли о том, что народ, который больше всего сделал, чтобы привнести в основу и существо других авраамических религий обещание бессмертия, внёс наибольший вклад и в разработку принципа сложного процента, ставшего сублимацией бессмертия. Этим он объясняет, почему именно евреи отличаются большей озабоченностью «отдалёнными результатами действий, нежели самими действиями» [там же, с. 66]. Здесь он близок к мысли Маркса, считавшего, что евреи были первыми, кто принял «ревностное участие в этом дурном направлении» и сделал «деньги и торгашество» своим «мирским культом» и «мирским богом». Со временем, подчёркивал Маркс, этот «практический дух еврейства стал практическим духом христианских народов». Эмансипация тех и других от торгашества и денег, по его мнению, возможна лишь при такой организации общества, «которая упразднила бы предпосылки торгашества, а следовательно, и саму возможность торгашества» [14, с. 276].

Кейнс также высказал надежду, что в будущем люди смогут избавиться от фетишизации функции накопления денег, когда абстрактные деньги берут верх над всем остальным, и вернутся к некоторым наиболее ясным религиозным

принципам и традиционным добродетелям: что алчность – грех; что давать деньги в рост преступно, а любовь к деньгам отвратительна; что увереннее всех вступает на тропу мудрости и добродетели тот, чьи помыслы меньше всего направлены на завтрашний день [10, с. 67]. Видимо поэтому его заинтересовал советский коммунизм, который, как он считал, мог бы «представлять первые робкие ростки большой религии». Скидельский отмечает, что было время, когда Кейнс видел смысл и назначение большевизма не в экономике, лежавшей в руинах, а в попытке построить общество, осуждающее безмерное личное обогащение как цель жизни. Но посетив вторично Советский Союз в 1928 г., Кейнс пришёл к выводу, «что цена за это кредо слишком высока» [19, с. 176]. Народам придётся ещё долго мириться с этим невротическим расстройством («любовью к деньгам»), которое приводит в движение «мотор капитализма» и обеспечивает тем самым создание материального изобилия, в перспективе устраняющее сам капитализм. На протяжении этого времени люди вынуждены будут притворяться, что «белое – это чёрное, а чёрное – белое, поскольку чёрное полезно, а белое – нет. Ещё долго им придётся культивировать алчность, расчётливость и ростовщичество, которые будут их богами, ибо только эти сомнительные доблести смогут вывести их из тьмы экономической необходимости к свету дня» [10, с. 67].

Важно подчеркнуть, что Кейнс верил и убеждал других в правоте своих этических взглядов и экономических возможностях того, что по мере выработки «жадностью к деньгам» своего полезного потенциала, её власть над людьми будет постепенно устранена, и «в не очень отдалённом будущем» (по его прогнозу – на протяжении ближайших 100 лет) произойдёт «величайшая в истории трансформация глобальных материальных условий человеческого существования». Люди, наконец, получат шанс ценить день нынешний выше завтрашнего, цели – выше средств их достижения, добро – выше пользы. Они по достоинству оценят тех, кто научит их, как прожить каждый день и час разумно и добродетельно, как надо радоваться простым жизненным вещам, подобно тому, как умеют радоваться полевые лилии, которые «не трудятся и не прядут» [там же].

Читая эти строки, может показаться, что Кейнс был утопистом, однако есть все основания полагать, что его рассуждения о достижениях Западом (в частности, Великобританией) «экономического блаженства» не были пустыми. Они строились, во-первых, на реальных расчётах темпов роста капитала и, во-вторых, на соблюдении нескольких условий. Если капитал будет возрастать со скоростью 2% в год, то в отсутствие кровопролитных войн и гражданских потрясений, при стабильной численности населения и учёте рекомендаций науки, уровень жизни за столетие, то есть к 2030 г., повысился бы в 8

■ Мировая экономика

раз. Кейнс считал этот уровень достаточным для начала предполагаемой им трансформации материальных условий жизни людей, когда в целом «экономическая проблема будет решена, или, по крайней мере, близка к решению» [там же, с. 62]. «Если она будет решена, человечество избавится от своей традиционной задачи» – борьбы за материальное существование, которая была самой основной и насущной проблемой со дня сотворения мира» [там же, с. 64].

Статистика показывает, что в конце 1920-х гг. британский ВВП на душу населения составлял примерно 5200 фунтов стерлингов (8500 долл.). Соответственно, чтобы описанная Кейнсом перспектива стала реальной, достаточным был бы подушный ВВП англичан немногим более 40 тыс. фунтов стерлингов (66 тыс. долл.). За истекшие 85 лет западные страны существенно продвинулись к указанной Кейнсом цели. В Великобритании ВВП на душу населения в 2014 г. составил почти 42 тыс. долл., то есть по сравнению с 1929 г. вырос в 5 раз. В США он достиг 53 тыс. долл., в Германии и Японии темпы роста ВВП долгие годы превышали американские и британские, и подушный ВВП на ту же дату достиг соответственно 46 и 39 тыс. долл. [16].

Таким образом, весьма вероятно, что к 2030 г. Кейнсова «планка» в 66 тыс. долл. в целом будет достигнута. Означает ли это, что к указанному сроку люди в развитых странах излечатся от того всеобщего «нервного расстройств» («погоны за деньгами»), которое так беспокоило Кейнса? С одной стороны, он, конечно, верил в такую перспективу – ей в основном и была посвящена его статья. С другой, он подчёркивал: «Я с ужасом думаю о привычках и инстинктах, которые вырабатывались у обычных людей на протяжении многих поколений и от которых им, возможно, всего за несколько десятилетий придётся отказаться» [там же, с. 64].

От «денежно-спекулятивной экономики» к «экономике счастья»

Сегодня мы видим, что прогноз Кейнса и его проницательный взгляд в будущее оправдался в том, что касается трудностей выработки капитализмом форм «добродетельной» жизни. Многие социологические опросы и экономические исследования показывают, что по мере того, как западные общества делают богаче, а жизнь – комфортнее, люди не становятся счастливее. Этот парадокс побуждает учёных разных научных направлений (социологов, философов, психологов, культурологов) задуматься, какие именно условия порождают человеческое счастье и как подготовить для них почву. Всё чаще об этом говорят и экономисты, о чём может свидетельствовать появление «экономической теории счастья». Проблема счастья становится предметом некоторых практических и политических решений. В 2006 г. Британский исследовательский центр New Economic Foundation совместно с некоторыми международными ор-

ганизациями и группой независимых экспертов разработали Всемирный индекс счастья (The Happy Planet Index) – комбинированный показатель, измеряющий достижения стран с точки зрения их способности обеспечить своим жителям счастливую жизнь. В 2012 г. самой счастливой страной было признано небольшое государство в Центральной Америке – Коста-Рика, где индекс составил 64 балла. Характерно, что 9 стран из первой десятки рейтинга – латиноамериканские. Крупные экономически развитые страны оказались в списке значительно ниже. Россия в этом рейтинге заняла 122-ое место с индексом счастья 34 балла.

В отдельных странах также предпринимаются шаги в направлении замены денежного индикатора оценки богатства (ВВП) показателем качества жизни. Дэвид Кэмерон вскоре после избрания лидером британской партии консерваторов выступил с речью, в которой подчеркнул, что «благополучие не может измеряться деньгами или котироваться на рынке». Сегодня Великобритания – первая крупная страна, сделавшая измерение благополучия центральным элементом своей национальной статистики [11, с. 363]. Попытка найти альтернативу ВВП сделана и во Франции. В 2008 г. для пересмотра критериев измерения прогресса в обществе здесь была учреждена специальная комиссия, которую возглавили нобелевские лауреаты Джозеф Стиглиц и Амартия Сен. По итогам её работы президент страны предложил ввести для оценки развития такие параметры, как счастье и доступность услуг здравоохранения, и призвал другие страны последовать опыту Франции. Профессор Лондонской школы экономики Ричард Лэйард в недавно переведённой на русский язык книге «Счастье: уроки новой науки» пишет, что именно стремление человека к счастью должно быть принято государством в качестве золотого стандарта и основы всех политических решений [там же, с. 349–359].

Однако построить «экономику счастья» – непростое дело. Многие экономисты приходят к выводу, что стать богатым гораздо проще, чем стать по-настоящему счастливым, поскольку рост денежного дохода не тождествен росту счастья. Французский экономист Даниэль Коэн обращает внимание на то, что в настоящее время граждане его страны на треть менее счастливы по сравнению с 1950-ми гг., хотя уровень их реальных доходов вырос в два раза. Об этом же говорит и Лэйард: по его данным, в целом для большинства людей на Западе со времён 1950-х гг. счастье не увеличилось [там же, с. 49].

Причину этого явления Коэн видит в том, что экономика и стремление к получению денежных доходов включают людей в конкуренцию, тогда как счастливыми их делает доверие друг к другу, сотрудничество и благотворительность. Лэйард в объяснении этого парадокса ссылается на теорию предельной полезности, согласно которой дополнительный доход приносит больше

■

всего счастья бедным людям, а по мере того, как доход растёт, счастье от него увеличивается в убывающей прогрессии, но лишь до определённого уровня. Так, если доход американской семьи приближается к 75 тыс. долл., то уровень счастья возрастает, так как приходится меньше беспокоиться о покупке необходимых для жизни материальных благ. Но при более высоком доходе уровень счастья перестаёт зависеть от дохода. Этим и объясняется, почему богатые общества не становятся счастливее бедных. Погоня за деньгами ради получения удовольствия от обладания ими похожа на «наслаждение» от алкоголя или наркотиков – человеку требуются всё новые и новые «дозы денег», чтобы поддерживать соответствующий уровень «счастья». Человек оказывается на беговой «гедонистической» дорожке, по которой приходится бежать без остановки, чтобы счастье не убывало¹. Это ещё одно доказательство того, почему, например, в Великобритании, Японии и США начиная с 1975 г. счастье не растёт, оно застыло на уровне 40-летней давности [там же, с. 54, 66, 73, 77].

Закон убывающей предельной полезности также показывает, что, если деньги посредством налогового механизма или иных инструментов переходят от богатых людям к бедным, то бедные с точки зрения счастья выигрывают больше, чем теряют богатые. В результате среднее счастье в обществе возрастает. Это значит, что в отдельно взятой стране уровень счастья при прочих равных условиях будет тем выше, чем *равномернее* распределяются в ней доходы. И напротив, неравномерность в распределении доходов в обществе – один из наиболее весомых факторов, сдерживающих рост счастья даже при растущем богатстве в стране в целом. Исследования, проведённые в Китае, показывают, что здесь люди менее счастливы из-за разницы в доходах, чем из-за того, что им не на что жить.

В сущности, об этом и писал Кейнс, имея ввиду капиталистическую «денежную цивилизацию», когда внимание людей, их желания и страсти смещаются в сторону погони за материальным, а затем и денежным богатством, которое, однако, не приносит им удовлетворения жизнью. Он также не упустил из внимания «произвольное и несправедливое распределение богатства и доходов» при капитализме [9, с. 449], и предположил, что в будущем распределение доходов будет намного равномернее. Пока этого не произошло: гигантский рост богатства на одном полюсе повысил средний уровень дохода в развитых странах, однако медианный доход (доход среднего человека в ряду, когда 50% людей получают меньше него, а 50% – больше него) изменился незначительно. Этому Кейнс не учёл и, как пишет Скидельски, «допустил странную для него ошибку: не провёл различия между средним и медианным доходами» [19, с. 180]. Но если вспомнить, что в соответствии с этикой Мура

капитализм с его устремлённостью к богатству рассматривался Кейнсом инструментально – как средство передвижения «из мира нужды в царство блаженства» – то с этими пороками капитализма, как уже отмечалось, на определённое время следует примириться ради благой цели. Но где «точка насыщения», после которой люди станут жить «гармоничной и добродетельной жизнью»? Многие сомневаются, что она когда-нибудь вообще будет достигнута. Об этом хорошо сказал Джордж Оруэлл: «Всякий прогресс представляется отчаянным стремлением к цели, которая – надо надеяться и верить – не будет достигнута никогда» [там же, с. 182]. Видимо, надо надеяться на другое: что люди по мере созревания капитализма сами будут по-новому оценивать свой личный выбор и свою жизненную философию.

Жизненная и творческая биография Дж.М. Кейнса показывает, что стать хорошим, тем более великим экономистом, оставаясь только экономистом, невозможно. Кейнс довольно рано отошёл от позитивистского понимания экономической теории и последовательно отстаивал статус экономики как моральной науки. Он видел её задачу не только в том, чтобы изучать факты, но и ставил вопрос о важности философского видения объекта исследования и чёткого мировоззренческого подхода в научном анализе. Этому в немалой степени способствовала его ранняя увлечённость философией, в особенности этикой, что и привело его к пониманию этической валентности экономической теории.

Тяга к философскому осмыслению действительности и использование «философских прозрений» к постижению сути как природных, так и социальных явлений всегда были присущи великим мыслителям. Можем вспомнить, например, Аристотеля, который, прежде чем написать «Политику», выпустил «Этику», где изложил своё понимание добра и законов нравственной жизни человека. А. Смит был профессором моральной философии в Университете Глазго и за 17 лет до публикации фундаментального трактата по экономике «Богатство народов» издал знаменитую «Теорию нравственных чувств», в которой проанализировал этические стандарты поведения, обеспечивающие социальную стабильность общества. К. Маркс до того, как приступил к написанию «Капитала», опубликовал «Экономико-философские рукописи», «К критике Гегелевской философии права», «Немецкую идеологию», ряд других работ, послуживших этико-философским и социально-политическим ориентиром при создании «политической экономии рабочего класса». А. Маршалл в Книге I «Принципов экономической науки» в систематизированном виде изложил то, что можно назвать философией экономической теории.

У Кейнса прослеживается тот же путь: сначала он надёжно освоился в мировоззренческих

¹ Как тут не вспомнить известный афоризм Козьмы Пруткова: «Счастье не в счастии, а в достижении».

■ Мировая экономика

дисциплинах, сформировал свой философско-нравственный базис, после чего приступил к написанию главного труда своей жизни, ставшего вершиной в построенной им экономической теории. И хотя в «Общей теории» нет специального философского обоснования исследуемых там проблем, по своему духу и содержанию эта работа имеет чётко выраженную аксиологическую (ценностную) направленность. В основе «Общей теории» лежало видение Кейнсом, говоря словами Шумпетера, «стареющего английского капитализма», чья «атеросклеротическая экономика» стремительно утрачивала свою способность к омоложению «из-за сохранения старых привычек к сбережению, сформировавшихся во времена богатых возможностей» [23, с. 1541]. В ней также были раскрыты не выявленные прежними школами политической экономии существенные черты капиталистического хозяйства: неопределённость экономических процессов, стохастический характер поведения рыночной системы и вероятностный образ проявления экономических законов. В результате Кейнс сформулировал новую – этическую по своей сути – задачу для экономической теории, которая должна быть нацелена на поиск и обоснование наиболее эффективных хозяйственных решений. Главный вывод, следующий из проделанного им экономического анализа и отвечающий на ключевой вопрос этики – «Как поступить наилучшим образом?» – сводился к необходимости использования фискальной политики государства в качестве средства преодоления «провалов рынка», его неспособности обеспечить работой всех, кто хочет и может трудиться. Безработица, которая раньше рассматривалась как социальная проблема, а её решение было уделом церкви и благотворительности, но не власти, в экономической теории Кейнса сформулирована в контексте морально-политической ответственности государства. Массовая безработица не может быть принята и оправдана этически: какой бы вынужденной и неизбежной с точки зрения микроэкономики и бизнеса она ни была, это моральное зло, с которым можно и нужно вести непрерывную борьбу.

Новаторская методология и «этический образ мышления» позволили автору «Общей теории» совершить «кейнсианскую революцию» в экономической науке, приведшую к рождению новой научной парадигмы – *макроэкономики*. Нельзя не согласиться с Н. Макашовой в том, что именно «признание этической направленности экономической теории, необходимости ориентировать её на постановку и решение тех проблем,

которые общество считает особенно важными или будет считать таковыми, составляет *суть кейнсианской революции*» [13, с. 14].

На языке современных философов этические взгляды Кейнса, понимание им моральной ответственности экономической науки и правительственной политики полностью вписываются в развивающуюся в последнее время «этику ответственности». Центральный пункт этики ответственности, как отмечает российский философ В. Канке, – вопрос «об изобретении ценностей», а также предложения по тому, как следует действовать тем, кто принимает управленческие решения, в том числе в экономической сфере [7, с. 268]. Ценности, изобретённые и воплощённые Кейнсом в «Общей теории», позволившие ему прийти к революционным выводам в экономической науке, сыграли со временем такую же революционную роль в практике, причём не только внутреннего, но и внешнего макроэкономического регулирования. К концу жизни Кейнс располагал таким интеллектуальным авторитетом, что мог предложить собственный проект перестройки не только национальной, но и международной экономики. Выдающимся достижением, которым он мог бы гордиться не меньше, чем своей экономической теорией, является успешная деятельность таких институтов, как Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация и Всемирный банк, у истоков создания которых он стоял.

В заключительной части «Общей теории» Кейнс высказал очень важную мысль, которую всем нам не мешало бы помнить. Он говорит о том, что люди всегда ждут глубокого и честного диагноза социальных проблем и готовы принять и испробовать на деле всё, что обещает хоть какой-то шанс на успех. Но следует понимать, что в долгосрочной перспективе судьбы определяют «не безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба» и не «силы корыстных интересов», а те, кто занимается интеллектуальным творчеством. «Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром ... рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными и для добра, и для зла» [9, с. 457, 458].

Этими словами хочется закончить статью, потому что они как нельзя лучше характеризуют идеи самого Кейнса, которые вот уже 80 лет служат интересам добра и при этом выступают надёжным заслоном от сил зла.

Список литературы

1. Аристотель. Политика. М.: АСТ, 2006. 142 с.
2. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. 4-е изд. М.: «Дело Лтд», 1994. 720 с.
3. Дзарасов С. Куда Кейнс зовёт Россию? М.: Алгоритм, 2015. 304 с.
4. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М.: Айрис-пресс, 2004. 624 с.

5. Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 671 с.
6. История экономических учений. Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашовой. М.: ИНФРА-М, 2000. 784 с.
7. Канке В.А. Философия для экономистов. Учебник. 3-е изд. М.: Омега-Л, 2011. 411 с.
8. Кейнс Дж.М. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993. 543 с.
9. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Экономика, 1978. 157 с.
10. Кейнс Дж.М. Экономические возможности наших внуков. Вопросы экономики, 2009, № 6. С. 60–69.
11. Лэйард Р. Счастье: уроки новой науки. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. 416 с.
12. Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 тт. 5-е издание. М.: Изд-во политической литературы. 1972.
13. Макашова Н. Этика и экономическая теория. Общественные науки и современность. 1992, № 3. С. 12–26.
14. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года и другие философские работы. М.: Академический Проект, 2010. 775 с.
15. Маршалл А. Основы экономической науки. М.: Эксмо, 2008. 832 с.
16. Мир в цифрах – 2016. М.: Олимп-Бизнес, 2016. 272 с.
17. Мур Дж.Э. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984. 327 с.
18. Сеймур-Смит М. 100 величайших книг, которые потрясли мир. М.: РИПОЛ классик, 2004. 592 с.
19. Скидельски Р. Кейнс. Возвращение мастера. М.: Юнайтед Пресс, 2011. 253 с.
20. Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс. 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель. Кн. 1. М.: Московская школа политических исследований. 2005. 784 с.
21. Хайлбронер Р.Л. Философы от мира сего. М.: Колибри, 2008. 432 с.
22. Шестаков В.П. Джон Мейнард Кейнс и судьба европейского интеллектуализма. СПб.: Алетейя. 2015. 172 с.
23. Шумпетер И.А. История экономического анализа: в 3-х тт. Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 3. 678 с.

Об авторе

Станислав Николаевич Ивашковский – к.э.н., заведующий кафедрой экономической теории Московского государственного института (университета) международных отношений Министерства иностранных дел России; профессор ИБДА Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: stanislav.ivashkovskiy@mail.ru.

J. M. KEYNES AND HIS ECONOMIC THEORY: AN ETHICAL PERSPECTIVE

S.N. Ivaskovsky

Moscow State Institute of International Relations (University), Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article examines the philosophical and moral foundations of the biggest economist and political philosopher of the 20th century John Maynard Keynes (1883–1946), who played an important role in rethinking a number of important provisions of the classical political economy and in creating the ideological and methodological basis of the "Keynesian revolution" and of the new field of economic analysis-macroeconomics. The author traces the main stages in the formation of ethical views of Keynes, shows that his interest in ethics as the system of values in society was dictated by the need for the new conceptual vision of economic realities and by the search of an answer to the main ethical question: "What should we do?". Attention is drawn to the fact that an understanding of the ethical orientation of economic theory by Keynes allowed him to take a critical stance towards traditional individualism and Victorian morality of thrift and moneymaking and to conclude that rational and "right" forms of individual behaviour are not a guarantee of the prosperity of society as a whole. To achieve the latter Keynes justified the necessity of "central control" by the State of the overall level of aggregate expenditure. It is stressed that the ethical views of Keynes correspond with the concept of the "ethic of responsibility" – a relatively new scientific discipline, which originated as a response to the risks of technogenic era: pollution, resource constraints, overpopulation, lack of stability of the world economy. The final part of the article analyzes one of the most important, from the point of view of Keynes, vices of capitalism – reckless proclivity of people to the multiplication of "abstract monetary wealth". It is shown that it doesn't only disfigure the psyche and*

■ **Мировая экономика**

---

consciousness of people, but also changes the direction of development of the market economy towards "speculative capitalism", which creates a threat to civilization, creativity, well-being and full development of the individual.

Key words: public policy, monetary wealth, investing, macroeconomics, moral values, market mechanism, propensity to save, aggregate demand, economics, ethics, ethics of responsibility, philosophy.

References

1. Aristotle. Politics. 2nd Ed., Chicago, University of Chicago Press, 2013, 320 p. (Russ. Ed.: Aristotel. Politika. Moscow, AST, 2006. 142 p.)
2. Blaug M. Economic Thought in Retrospect. 5th Ed., Cambridge New York, Cambridge University Press, 1997, 752 p. (Russ. Ed.: Blaug Moscow., Ekonomicheskaiia mysl v retrospective, Moscow, Delo Ltd., 1994, 720 p.)
3. Dzarasov S. Kuda Keynes zovet Rossiuu? [Where does Keynes call Russia?], Moscow, Algoritm, 2015, 304 p. (In Russian)
4. Sombart W., Der Bourgeois [The Bourgeois]. München und Leipzig: Duncker & Humblot, 1913. (In German) Sombart W. Die Juden und das Wirtschaftsleben [The Jews and Economic Life]. Leipzig: Duncker, 1911. (In German) (Russ. Ed.: Sombart W. Burzhua. Evrei i khoziaistvennaia zhizn, Moscow, Iris Press, 2004, 624 p.)
5. Istoki: sotsiokul'turnaia sreda ekonomicheskoi deiatel'nosti i ekonomicheskogo poznaniiia [Origins: socio-cultural environment of economic activity and economic knowledge]. Moscow, Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki [Pub. House of the higher school of Economics], 2011, 671 p. (In Russian)
6. Istoriia ekonomicheskikh uchenii [History of economic doctrines], edited by Avtonomov V., Anan'ina O., Makashova N. Moscow, Infra-m, 2000, 784 p.
7. Kanke V. A. Filosofiiia dlia ekonomistov [Philosophy for the economists], 3rd edition. Moscow, Publishing House Omega-I, 2011, 411 p. (In Russian)
8. The Collected Writings of John Maynard Keynes, 2nd edition. Cambridge University Press, 2012 (Russ. Ed. Keynes J.M. Izbrannye proizvedeniia, Moscow, Economics, 1993, 543 p.)
9. Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money, London. Macmillan, 2007 (Russ. Ed.: Keynes J.M. Obshchaia teoriia zaniatosti, protsenta i deneg, Moscow, Economics, 1978, 157 p.)
10. Keynes J.M. Economic Possibilities for our Grandchildren, Essays in Persuasion. N.Y.: W.W. Norton & Co., 1963, p. 358–373 (Russ. Ed.: Keynes J.M. Ekonomicheskie vozmozhnosti nashikh vnukov, Voprosy ekonomiki, 2009, no. 6, p. 60–69)
11. Layard R. Happiness: lessons from a New Science. London, Penguin Books, 320 p. (Russ. Ed.: Layard R. Schast'e: uroki novoi nauki, Moscow, Pub.: Institute of Gaidar, 2012, 416 p.)
12. Lenin. Collected Works, Vol. 1–45, Beekman Books, 1975. (Russ. Ed.: Lenin. Polnoe sobranie sochinenii v 55 tomakh, 5th Edition, Moscow, 1958.)
13. Makashova N. Etika i ekonomicheskaiia teoriia [Ethics and economics.]. Obshchestvennye nauki i sovremenost' [Social science and modernity]. 1992, no. 3. (In Russian)
14. Marx K. Economic and Philosophical Manuscripts of 1844 in The Marx-Engels Reader. New-York, Norton and Company, 1978 (Russ. Ed.: Marx K. Ekonomiko-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie filosofskie raboty. Moscow, Akademicheskii Proect, 2010. 784 p.)
15. Marshall A. Principles of Economics, 8th Ed., London, Macmillan and Co., 1920 (Russ. Ed.: Marshall A. Osnovy ekonomicheskoi nauki. Moscow, Eksmo, 2008, 832 p.)
16. Mir v cifrah – 2016 [Pocket World in Figures, 2016, Edition]. 272 p.
17. Moore G.E. Principia Ethica. Dover Publications, 2004, 256 p. (Russ. Ed.: Moore G.E. Printsipy etiki. Moscow, Progress, 1984, 327 p.)
18. Seymour-Smith M. The 100 Most Influential Books Ever Written. New York, MJF Books – Fine Communications, 1998. (Russ. Ed.: Seymour-Smith M. 100 velichaisikh knig, kotorye potriasli mir. Moscow, RIPOL klassik, 2004, 592 p.)
19. Skidelsky R. Keynes: The Return of the Master. London: Allen Lane (UK) and Cambridge, MA: PublicAffairs (US), 2009. 240 p. (Russ. Ed.: Skidelsky R. Keynes. Vozvrashchenie мастера, Moscow, 2011, 253 p.)
20. Skidelsky R. John Maynard Keynes 1883—1946: Economist, Philosopher, Statesman. New York: Macmillan, 2004. 800 p. (Russ. Ed.: Skidelsky R. John Maynard Keynes. 1883–1946. Ekonomist, filosof, gosudarstvennyi deiatel. Kniga 1, Moscow, 2005, 784 p.)
21. Heilbroner R.L. The Worldly Philosophers: The Lives, Times and Ideas of the Great Economic Thinkers, 7th Ed., Touchstone, 368 p. (Russ. Ed.: Heilbroner R. Filosofiy ot mira sego. Moscow, Publishing House Kolibri, 2008, 324 p.)

- 22. Shestakov V. P. Dzhon Meinard Keins i sudba evropeiskogo intellektualizma. [John Maynard Keynes and the fate of the European intellectuality]. Saint Petersburg, Aleteiia, 2015, 172 p. (In Russian)
- 23. Schumpeter J.A. History of economic analysis. Taylor & Francis e-library, 2006. (Russ Ed.: Schumpeter J.A. Istoriia ekonomicheskogo analiza in 3 volumes, Saint Petersburg, Ekonomicheskaiia shkola, 2001, vol. 3, 678 p.

About the author

Stanislav N. Ivaskovsky – PhD in Economics, associate professor, head of the department of economics in Moscow State Institute (University) of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: stanislav.ivashkovskiy@mail.ru.